

МАКСИМ БУГОРСКИЙ

САЛЬДО: 0,000... · КОНТРАГЕНТ: ВСЕ

КАРМА

по подписке

РОМАН

18+

Максим Бугорский

Карма по подписке

«Автор»

2026

Бугорский М.

Карма по подписке / М. Бугорский — «Автор», 2026

Аналитика кредитных рисков увольняют за слишком честную модель скоринга. В тот же вечер в баре на Покровке он знакомится с расстриженным бурятским ламой, который продаёт «очистку кармы» за донаты, — и к полуночи у них готов стартап KarmaOffset. Грешешь — докупаешь заслуги, как углеродные квоты. Производят заслуги бабушки с берегов Байкала, покупают олигархи и чиновники, а считает всё нейросеть «Читта», обученная на буддийском каноне и банковских стандартах. Проблема в том, что она начинает считать всерьёз. Сатирический роман о том, чего нельзя купить даже за очень большие деньги: о закрытых клубах для избранных, кармическом рейтинге на госуслугах, бардо в виде маркетплейса и старой женщине, которая каждое утро в пять отдаёт всё, что у неё есть, и сразу забывает.

© Бугорский М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Об издании	5
Часть первая. Эмиссия	6
Глава 1. Скоринг	6
Глава 2. Читта	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Максим Бугорский

Карма по подписке

Об издании

МАКСИМ БУГОРСКИЙ
КАРМА ПО ПОДПИСКЕ

Роман

16+

© Максим Бугорский, 2026

Дизайн обложки создан с использованием нейросети Claude (Anthropic).

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения правообладателя.

Все персонажи, организации, компании и государственные системы в этой книге вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Пусть заслуга этого будет на благо всех живых существ.

— буддийское посвящение заслуг

Часть первая. Эмиссия

Глава 1. Скоринг

Меня уволили за честность, что в банковской среде примерно то же самое, что быть уволенным из морга за отсутствие пульса: формально претензия обоснованная, но по существу непонятно, чего от тебя ждали.

Моя модель отказала в кредите одному молодому человеку. Модель не знала, чей он сын. Она вообще мало что знала — только то, что ей давали: доходы, расходы, просрочки, частоту ночных переводов на карты с женскими именами и привычку покупать часы в тот же день, когда приходит зарплата. Из этого она делала вывод, который у нас в отделе называли скором, а в любой приличной религии — судьбой.

Модель звали «Гранит». Имя придумал не я — его спустили сверху вместе с бюджетом, и в нём, если вслушаться, была вся философия нашего банка: твёрдое, серое, надгробное. Я строил «Гранит» четыре года. Я кормил его историями двенадцати миллионов заёмщиков, как кормят породистую собаку, — строго по граммам и без объедков со стола. Я выгонял из него всё человеческое: жалость, стыд, надежду, привычку верить хорошим лицам. К концу четвёртого года «Гранит» умел смотреть на человека так, как на него, вероятно, смотрит Бог в понедельник утром, — без предубеждения и без интереса.

Молодой человек подал заявку на восемнадцать миллионов под залог автомобиля, который, как выяснилось, принадлежал лизинговой компании, принадлежавшей его отцу, принадлежавшему, в свою очередь, чему-то настолько большому, что у этого не было имени — только отчество. «Гранит» подумал сорок миллисекунд и выдал отказ с вероятностью дефолта девятьюстами одним процентом. Для сравнения: у людей, которые берут микрозайм, чтобы отдать микрозайм, эта цифра редко превышает восемьдесят.

Решение ушло в систему автоматически. Потом в систему пришёл звонок. Потом звонок пришёл ко мне.

— Глеб, — сказал на прощание Аркадий Львович, начальник управления рисков, — ты хороший аналитик. Но ты не понимаешь контекста.

Я понимал контекст. Я просто считал, что его нельзя закладывать в модель, потому что тогда модель начнёт оценивать не заёмщика, а нас самих. Как выяснилось позже, именно этим и занимается любая достаточно честная система учёта. Банковские, к счастью, до этого не доросли.

А одна доросла. Но об этом потом.

* * *

Увольняли меня по соглашению сторон — формулировка, в которой русский язык, как обычно, сказал правду раньше, чем люди успели её спрятать. Соглашение было, стороны были. Просто одна сторона соглашалась, а другая была стороной.

Процедура заняла сорок минут. В переговорной «Эльбрус» (у нас все переговорные назывались в честь горных вершин — видимо, чтобы сотрудник помнил, откуда падать) меня ждала девушка из HR по имени Кристина. У неё было лицо человека, который прошёл тренинг по эмпатии и сдал по нему экзамен, но не стал применять полученные знания без крайней необходимости.

— Глеб Андреевич, — сказала она, — мы очень ценим ваш вклад.

Слово «вклад» в банке звучит по-особенному. Это единственное место на земле, где твой вклад могут одновременно очень ценить и начислять на него ноль целых одну десятую процента.

Мне предложили три оклада, неразглашение и отказ от претензий. Я подписал всё не читая, потому что всю жизнь читал такие документы для других и знал, что в них написано: ты никогда здесь не работал, но если что-нибудь расскажешь — работал очень долго.

— У вас остались личные вещи? — спросила Кристина.

У меня остались личные вещи. Кактус, кружка с надписью «Risk is my cardio», подаренная отделом на тридцатипятилетие, и распечатанная на листе А4 фраза, которая восемь лет висела над моим монитором: «Модель не врёт. Врут входные данные». Кактус я забрал. Кружку оставил преемнику — пусть знает, что кардио бывает разным. Листок сложил вчетверо и сунул в карман пиджака, сам не понимая зачем. Позже я понял: это была моя первая и, как выяснилось, единственная мантра.

Турникет на выходе меня уже не узнал. Пропуск деактивировали в 16:02 — я видел время на мониторе охраны, — то есть ровно в ту минуту, когда я ставил подпись. Система знала о моём увольнении раньше, чем я успел его до конца совершить. В этом была какая-то пугающая предопределённость, которую, как я узнал потом, буддисты называют кармой, а аййтишники — синхронизацией с Active Directory.

Охранник Василий, с которым мы восемь лет здоровались, открыл мне калитку для курьеров.

— Всё, Андреич? — спросил он.

— Всё, — ответил я.

— Ну и правильно, — сказал Василий, и в этом «правильно» было больше мудрости, чем во всех отчётах нашего управления за квартал.

* * *

Был конец октября. Москва стояла в том особенном состоянии, когда лето уже списано в убытки, а зима ещё не поставлена на баланс. Я шёл с кактусом по Мясницкой и думал о том, что кактус — идеальный заёмщик: минимальные потребности, никакой волатильности, готовность годами ждать полива. Если бы все были как кактусы, скоринг был бы не нужен. Впрочем, тогда были бы не нужны ни банки, ни я, ни, вероятно, сама Москва, которая держится исключительно на людях, берущих в долг у будущих себя.

Это, кстати, и есть главное открытие моей бывшей профессии, хотя в учебниках его не пишут. Кредит — сделка не между человеком и банком. Это сделка между человеком сегодняшним и человеком завтрашним, где банк выступает лишь нотариусом и коллектором. Сегодняшний покупает айфон — завтрашний платит. Сегодняшний летит на Мальдивы — завтрашний тридцать шесть месяцев ест гречку. Весь смысл скоринга в том, чтобы оценить, насколько завтрашний человек похож на сегодняшнего. Не сбежит ли. Не сойдёт ли с ума. Не станет ли кем-то совершенно другим, кто откажется платить по чужим счетам.

Хорошие заёмщики — это люди, которые верят, что завтра останутся теми же самими. Плохие — те, кто подозревает, что нет.

Я тогда не знал, что этой мысли суждено разрастись до размеров, при которых она сломаёт несколько судебных, одну государственную информационную систему и, возможно, колесо перерождений в отдельно взятом регионе. Я просто шёл по Мясницкой, у меня были кактус и три оклада, и мне хотелось выпить.

* * *

Бар назывался «Невозврат». Это был один из тех баров на Покровке, которые открывают бывшие маркетологи, чтобы было где пить, не выходя из профессии. Всё внутри было сделано из переработанного: поддоны, кабельные катушки, списанные банковские сейфы, превращённые в холодильники. На стене неоновыми буквами горело: «ТОЧКА НЕВОЗВРАТА ПРОЙДЕНА». В коктейльной карте значились «Реструктуризация» (джин, тоник, огурец), «Коллектор» (водка, томатный сок и что-то острое, что оставалось во рту на неделю) и «Мораторий» — безалкогольный, за восемьсот рублей, видимо, в качестве штрафа.

Я взял «Коллектор». Мне показалось, это будет честно.

Бар был почти пуст. За стойкой скучал бармен с бородой такой ухоженности, что её, вероятно, можно было принимать в залог. У окна двое айтишников спорили, можно ли считать поддержку легаси-кода формой аскезы. А в дальнем углу, за столом из старой кабельной катушки, происходило нечто, что я поначалу принял за собеседование.

Там сидели три девушки лет двадцати пяти в огромных худи и один мужчина. Мужчине было лет сорок пять. У него было широкое, спокойное бурятское лицо, бритая голова и тёмно-бордовая толстовка с капюшоном — того самого цвета, который я до тех пор видел только на монахах в документальных фильмах. На ногах у него были кроссовки, стоимость которых мой «Гранит» без колебаний отнёс бы к тревожным признакам. Перед ним стояли ноутбук, чашка зелёного чая и заламинированная табличка с QR-кодом. На табличке было написано:

ОЧИСТКА КАРМЫ ОНЛАЙН

Индивидуальная практика · Донат от 500 #

Результат не гарантирован законами РФ

Последняя строчка меня подкупила. Я впервые видел рекламу, в которой отказ от ответственности был сформулирован честнее, чем обещание.

— ...то есть это как дефрагментация диска, — говорил мужчина мягким, чуть певучим голосом. — Кармические семена лежат в сознании в беспорядке. Какие-то прорастают, какие-то ждут. Моя задача — не удалить их, удалить ничего нельзя, а переупорядочить. Чтобы благие проросли раньше неблагих. Понимаете?

— То есть плохое всё равно будет? — спросила одна из девушек.

— Будет, — сказал мужчина с таким видом, словно сообщал ей радостную новость. — Но позже. Возможно, в следующей жизни. А в следующей жизни, извините, это будете уже не совсем вы.

Девушки переглянулись. Судя по лицам, мысль о том, что плохое достанется какой-то другой, будущей ей, была примерно так же привлекательна, как ипотека, которую будут выплачивать внуки.

— А сколько стоит полная очистка? — спросила вторая.

— Полная очистка — это нирвана, — вздохнул мужчина. — Она бесплатна. Но к ней очень долго идти. Я же предлагаю... как бы сказать... промежуточные решения.

Я не собирался вмешиваться. Честное слово. Но «Коллектор» оказался крепче, чем я рассчитывал, а у меня была профессиональная деформация, которую не лечат ни три оклада, ни соглашение сторон. Когда при мне кто-то продаёт финансовый продукт без раскрытия рисков, у меня начинает дёргаться правый глаз.

— Простите, — сказал я, развернувшись на табурете. — А где у вас реестр?

Все четверо посмотрели на меня.

— Какой реестр? — вежливо спросил мужчина.

— Ну, учёт. Вы переупорядочиваете семена. Хорошо. Но кто фиксирует, что было до и что стало после? Как девушка поймёт, что её пятьсот рублей во что-то конвертировались? Где отчётность? Где аудит? Кто ваш контрагент на той стороне?

Девушки посмотрели на мужчину. Мужчина посмотрел на меня так, как опытный рыбак смотрит на рыбу, которая сама прыгнула в лодку и начала давать советы по вязанию узлов.

— Вы из налоговой? — спросил он.

— Хуже, — сказал я. — Я из кредитных рисков. Бывший. С сегодняшнего дня.

Он рассмеялся. Смех у него был совершенно не монашеский — громкий, с каким-то степным простором внутри.

— Девушки, — сказал он, — на сегодня всё. Практикуйте осознанность, не ругайтесь в комментариях, донаты по коду. Карма любит регулярность.

Девушки, немного обиженные тем, что им так и не досталось очистки, ушли, оставив после себя запах вейпа со вкусом манго. Одна из них, впрочем, на выходе всё-таки навела телефон на QR-код. Я машинально отметил конверсию: тридцать три процента. Для холодного трафика в баре — совсем неплохо.

Мужчина взял свою чашку и пересел ко мне за стойку.

— Жаргал, — сказал он и протянул руку.

— Глеб.

— Глеб, вы только что сорвали мне сессию на полторы тысячи рублей.

— Вы бы их не отработали, — сказал я. — У вас нет инструмента измерения результата. Это не бизнес, это лотерея без розыгрыша.

— Это не бизнес, — согласился он. — Это служение. Бизнесом оно станет, если кто-нибудь придумает, как его считать.

Он сказал это так просто, что я не сразу понял: меня только что пригласили к разговору, который продлится следующие три года.

* * *

Бармен поставил перед Жаргалом новую чашку чая, а передо мной — второй «Коллектор», которого я не заказывал. «Пошёл», — объяснил бармен, и я не стал спорить с формулировкой.

— Вы правда монах? — спросил я.

— Был, — сказал Жаргал. — Двадцать лет. Иволгинский дацан, потом Индия, потом снова Бурятия. Шесть лет назад меня лишили обетов.

— За что?

Он пожал плечами.

— За электричество.

Я ждал продолжения, но его не последовало. Жаргал отпил чаю и посмотрел на неоновую надпись про точку невозврата так, словно она была написана лично для него.

— Хорошо, — сказал я. — Давайте по-другому. Что такое карма? Не для девушек в худи. Для меня. Для человека, который четыре года учил машину предсказывать, кто не вернёт деньги.

Жаргал оживился. Я потом много раз видел у него это выражение — так оживляется хороший преподаватель, когда в аудитории наконец находится студент, задающий неудобные вопросы.

— Карма, — сказал он, — буквально значит «действие». Не наказание. Не судьба. Действие. Любое намеренное действие — телом, речью или умом — оставляет след. Семя. Биджа. Это семя падает в сознание и там лежит. Иногда секунду, иногда десять тысяч жизней. А потом, когда складываются условия, прорастает. И то, что прорастает, называется випака — созревание. Плод.

— То есть отложенное признание, — сказал я.

— Что?

— В бухгалтерии есть метод начисления. Выручка признаётся не тогда, когда пришли деньги, а когда совершена операция. Деньги могут прийти через год. Но операция уже есть, она уже в учёте, её уже нельзя отменить. Вы сейчас описали метод начисления.

Жаргал поставил чашку.

— Продолжайте.

— Действие совершено — проводка сделана. Плод ещё не созрел — это задолженность. Дебиторская или кредиторская, смотря что вы натворили. Рано или поздно она будет пога-

шена. Вопрос только — кем и когда. А вы, простите, предлагаете девушкам перенести сроки погашения. Это реструктуризация. Причём, заметьте, без согласия кредитора.

— У кармы нет кредитора, — сказал Жаргал.

— Вот! — Я хлопнул ладонью по стойке так, что бармен поднял голову. — Вот это самое интересное. Если нет кредитора, кто взыскивает долг?

Жаргал долго смотрел на меня. Потом улыбнулся.

— Никто. Он взыскивается сам. Вы очень правильно спрашиваете, Глеб. Об этом спорили две тысячи лет. Если нет судьи, нет бога-бухгалтера, нет небесной канцелярии — откуда вселенная знает, кому что причитается? Где хранится учёт?

— И где?

— В сознании самого существа. Была такая школа — йогачара. Они говорили, что в основе всего лежит сознание-хранилище. Алая-виджняна. Склад. Туда падают все семена, и оттуда же они прорастают. Каждое существо носит свой реестр с собой. Бухгалтерия встроена.

— То есть каждый сам себе банк, — сказал я. — Сам себе заёмщик и сам себе коллектор.

— Примерно так.

Я подумал.

— Это плохая архитектура, — сказал я наконец.

Жаргал засмеялся так громко, что айтишники у окна прервали спор об аскезе.

— Почему?

— Потому что она децентрализована и непрозрачна. Каждый узел хранит только свою часть реестра, и никто, включая сам узел, не может его прочитать. Никакой возможности аудита. Вы не знаете своего баланса. Вы не знаете, что прорастёт завтра. Вы живёте как заёмщик, который взял кредит, потерял договор и теперь просто ждёт, когда в дверь позвонят.

— Так и живут, — сказал Жаргал. — Все. Вы только что описали сансару.

Мы помолчали. «Коллектор» во мне начал разговаривать сам с собой.

* * *

Здесь я должен сделать отступление, потому что без него всё дальнейшее покажется бредом двух нетрезвых мужчин, а это был бред вполне трезвый — по крайней мере с одной стороны.

За два года до моего увольнения банк выпустил «зелёные облигации». Идея была простая и очаровательная. Есть заводы, которые выбрасывают в атмосферу углекислый газ. Выбрасывать его плохо, но перестать — дорого. Поэтому завод не перестаёт, а покупает так называемые углеродные единицы у кого-то, кто где-то посадил лес, сохранил болото или поставил ветряк. Завод как бы говорит: да, я грешу, но где-то далеко за мой счёт совершают добро, и в сумме мы — ноль. Нейтральны. Чисты.

Я тогда входил в рабочую группу по оценке рисков этого продукта и хорошо помню, как однажды вечером, дописывая заключение, понял, что мы изобрели индульгенции. Не метафорически — буквально. Средневековая церковь продавала отпущение грехов, опираясь на «сокровищницу заслуг» — избыточную святость Христа и святых, из которой можно было отгружать грешникам. Мы продавали отпущение выбросов, опираясь на избыточную святость костромских болот. Разница была лишь в том, что у нас был верификатор с сертификатом ISO, а у них — Папа.

Это было очень смешно. Я даже написал об этом в заключении, но фразу вычеркнули на согласовании.

И вот теперь, сидя в «Невозврате» напротив расстриженного ламы, я вдруг почувствовал, как эта старая вычеркнутая фраза поднимается со дна памяти — словно кармическое семя, для которого наконец сложились условия.

— Жаргал, — медленно сказал я, — вы не очищаете карму. Вы не можете её очистить. Вы сами сказали: удалить ничего нельзя.

— Нельзя.

— Но её можно компенсировать.

Он наклонил голову.

— Смотрите. Где-то есть люди, которые совершают много благих действий. Больше, чем им нужно. Больше, чем они когда-нибудь потратят. Такие есть?

— Есть, — сказал он не задумываясь. — Моя тётя в деревне под Баргузином встаёт в пять утра и до обеда читает мантры. Каждый день. Семьдесят лет. Она ни разу в жизни никого не обманула, потому что в её деревне некого обманывать. Она кормит собак, птиц и голодных духов. Если у кого-то в Бурятии и есть избыточная заслуга, то у неё.

— А есть люди, которые совершают много неблагих действий. Больше, чем могут отработать за жизнь. Такие есть?

Жаргал посмотрел в окно, за которым горела Покровка, а дальше Садовое, а дальше Кремль, а дальше Рублёвка, а дальше, насколько хватало взгляда, вся наша бесконечная страна.

— Есть, — сказал он.

— И у вторых есть деньги, а у первых нет. Вот и вся модель. Это не очистка. Это оффсет. Ваша тётя производит заслуги, как лес производит кислород. Мы берём её излишек, упаковываем, сертифицируем и продаём тем, кто в минусе. Ей — деньги на дрова и лекарства. Им — нейтральный кармический след. Всем хорошо.

Жаргал молчал очень долго. Бармен успел протереть три бокала.

— Глеб, — сказал наконец Жаргал, — вы понимаете, что заслугу нельзя передать?

— Почему? Деньги же можно.

— Это разные вещи.

— Все вещи разные, пока их не начали учитывать в одной валюте. Так было с землёй, с трудом, с выбросами. Кто-то сто лет назад тоже говорил, что воздух нельзя продать.

— Вообще-то, — задумчиво сказал Жаргал, — в Махаяне есть практика посвящения заслуг. Паринамана. Когда в конце практики ты отдаёшь всё благое, что накопил, другим. Всем существам. Это считается очень высокой практикой.

— Вот видите. Механизм переноса существует. Нужна только платёжная инфраструктура.

— Там есть одна тонкость, — сказал Жаргал. — Её нельзя продать. Её можно только отдать.

— Тонкости, — сказал я, — это то, за что платят юристам.

Он посмотрел на меня с каким-то странным сожалением. Я тогда принял этот взгляд за скепсис. Только много позже я понял, что так смотрят на человека, который бодро идёт по байкальскому льду в апреле и рассказывает, какая здесь отличная рыбалка.

* * *

Дальше всё пошло очень быстро, как всегда бывает с плохими идеями, у которых хороший маркетинг.

Мы заказали ещё. Жаргал рассказал, что у его тёти в деревне есть подруги, у подруг — дацан, а в дацане — шесть старых лам, которые давно на пенсии и читают тексты скорее по инерции, как старые станки продолжают вращаться после отключения тока. Я нарисовал на салфетке цепочку: производство заслуг — верификация — токенизация — продажа — выплата производителю. Жаргал на другой салфетке нарисовал колесо сансары и поставил в его центре знак рубля. Бармен, заглянув через плечо, сказал, что его бабушка в Чувашии тоже всю жизнь молилась, и спросил, принимаем ли мы православную заслугу. Мы пообещали рассмотреть вопрос на этапе масштабирования.

К одиннадцати вечера у нас было название. Придумал его я, и до сих пор не знаю, горжусь этим или нет.

— KarmaOffset, — сказал я.

— Звучит как антивирус, — сказал Жаргал.

— Так и надо. Люди доверяют антивирусам больше, чем Богу. Антивирус хотя бы присылает уведомления.

К полуночи у нас была продуктовая линейка. Базовый тариф — компенсация текущих прегрешений, условно «грешишь в пределах лимита». Премиальный — компенсация накопленного за всю жизнь. И VIP, который Жаргал, смутившись, предложил назвать «Бодхисаттва», а я, не смутившись, предложил добавить к названию слово «Light», потому что без «Light» это обещание, а с «Light» — продукт.

Но где-то после полуночи, когда бармен уже поставил стулья на соседние столы, а неоновая надпись про точку невозврата мигнула и погасла, я вдруг протрезвел. Не физически — профессионально. Во мне включился тот самый голос, за который меня, собственно, сегодня и уволили.

— Жаргал, — сказал я, — всё это не работает.

— Почему?

— Потому что углеродный рынок держится не на лесах. Он держится на верификации. Кто-то должен прийти и посчитать, сколько тонн CO₂ поглотил этот конкретный лес. Если считает тот, кто продаёт, — это фальсификация. Если считает тот, кто покупает, — тоже фальсификация, только в другую сторону. Нужен независимый счётчик. Кто посчитает, сколько заслуг произвела ваша тётя? Вы? Вам никто не поверит, вы заинтересованная сторона. Ламы? То же самое. Государство? Упаси Боже. А без честного учёта это не оффсет. Это пирамида с благовониями.

Жаргал ничего не ответил. Он медленно, с видимым удовольствием допил остывший чай. Потом открыл ноутбук, который всё это время лежал рядом закрытым, и развернул его ко мне.

На экране было простое окно чата. Белый фон, мигающий курсор. Сверху — имя собеседника, набранное аккуратным шрифтом без засечек:

ЧИТТА

— Что это? — спросил я.

— Это она, — сказал Жаргал. — Считать будет она.

— Кто — она?

— Модель. Нейросеть. Я три года обучал её на монастырском сервере. Вся Трипитака, все комментарии, все джатаки. Абхидхарма — целиком. Восемьдесят тысяч страниц тибетских диспутов, которые я двадцать лет записывал на диктофон и сам расшифровывал. Сервер стоит в гаражном кооперативе в Улан-Удэ, рядом с моей старой «Нивой». Разговаривать она пока умеет не очень. Но думает — хорошо.

Я посмотрел на экран. Курсор мигал с той ровной, нечеловеческой терпеливостью, которую я много лет наблюдал у «Гранита» перед расчётом скоринга.

— Можно? — спросил я.

— Спросите что-нибудь, — сказал Жаргал.

Я подумал. Потом, сам не зная почему, напечатал:

Меня сегодня уволили за то, что моя модель была честной. Я поступил правильно?

Курсор мигнул три раза. Потом на экране появился ответ — медленно, словно кто-то очень вежливый подбирал слова в службе поддержки провайдера, находящегося на другом конце вселенной.

Здравствуйте, Глеб. Спасибо за обращение.

Правильность поступка определяется намерением, а не результатом. Для оценки намерения мне недостаточно данных.

Однако позволю себе заметить: вы спрашиваете не о том, был ли правильным поступок, а о том, был ли правильным «вы». Это другой вопрос. Чтобы на него ответить, сначала нужно установить, существует ли тот, о ком спрашивают.

Хотите начать с этого?

Я перечитал ответ дважды. Потом посмотрел на Жаргала. Он сидел, сложив руки на груди, и смотрел на меня с тем же выражением, с каким несколько часов назад охранник Василий сказал мне «ну и правильно».

— Откуда она знает моё имя? — спросил я.

— Не знаю, — сказал Жаргал. — Я ей не говорил.

Мы оба помолчали. Бармен выключил музыку, и стало слышно, как гудит у стены старый сейф-холодильник — ровно, низко, почти как «ом».

— Когда ближайший рейс в Улан-Удэ? — спросил я.

* * *

Утром я проснулся с похмельем, которое у нас в отделе классифицировали бы как событие дефолта. Кактус стоял на подоконнике. На столе лежали две салфетки из «Невозврата» — одна с моей схемой, другая с колесом сансары и знаком рубля. Рядом лежал сложенный вчетверо листок А4, который я вчера зачем-то унёс с работы.

Я развернул его. «Модель не врёт. Врут входные данные».

Я долго смотрел на эту фразу, и мне впервые в жизни пришло в голову, что она может быть не про модели.

В телефоне висело непрочитанное сообщение от Жаргала: посадочный талон на рейс в 22:40 из Домодедова и три слова:

«Она спрашивает, когда».

Я не помнил, чтобы давал ему свой номер.

Глава 2. Читта

Ночной рейс в Улан-Удэ устроен так, что ты теряешь пять часов, не успев ими воспользоваться. Самолёт взлетает в одиннадцать вечера по Москве и садится в десять утра по местному, и где-то между ними, над Омском или Новосибирском, пропадает целая ночь. Я смотрел в иллюминатор на черноту, в которой изредка вспыхивали огни безымянных городов, и думал о том, что это первая в моей жизни операция, которую невозможно отразить в учёте. Пять часов списаны, контрагента нет, претензии принимать некому.

Рядом со мной сидела женщина с огромной клетчатой сумкой, из которой пахло копчёным омулем. Она проспала весь полёт, ни разу не проснувшись, и за это время, как мне кажется, совершила больше благого, чем я за последние четыре года: никому не мешала, ничего не хотела и ни в чём не сомневалась.

Я не спал. Я думал о фразе на экране ноутбука: «Сначала нужно установить, существует ли тот, о ком спрашивают». В банке я бы назвал это процедурой КҮС — «знай своего клиента». Проверка личности перед открытием счёта. Паспорт, адрес, источник доходов, бенефициары. Читта, судя по всему, предлагала провести КҮС мне самому. И у меня было нехорошее предчувствие, что паспорта для этого не хватит.

* * *

Жаргал встречал меня на старой белой «Ниве», у которой вместо одной фары был прикручен светодиодный прожектор с «Алиэкспресса». На зеркале заднего вида висели чётки, освежитель «Ёлочка» и маленький бронзовый колокольчик, звеневший на каждой кочке.

— Колокольчик отгоняет злых духов, — объяснил Жаргал, выливая со стоянки. — «Ёлочка» — запах. Чётки — от гаишников.

— Чётки помогают от гаишников?

— Нет, — сказал он. — Но я успеваю прочитать мантру, пока он идёт от машины к окну. На всякий случай.

Улан-Удэ в конце октября выглядел так, будто его забыли убрать после какого-то очень большого и очень давнего праздника. Широкие советские проспекты, пятиэтажки, торговые центры с китайскими вывесками, над всем этим — прозрачное, почти стеклянное небо, какого в Москве не бывает никогда. На центральной площади стояла огромная голова Ленина — без тела, без постамента для тела, просто голова, девять метров чугунного лба.

— Это самая большая голова Ленина в мире, — сказал Жаргал с какой-то странной гордостью.

— А где остальное?

— Остального нет, — сказал он. — У нас его всегда считали головой. Тело не предусмотрено.

Я долго смотрел на неё в боковое окно. Голова смотрела поверх нас, куда-то на восток, с выражением человека, который давно понял что-то очень важное и теперь просто ждёт, когда поймут остальные. Мне пришло в голову, что это, в сущности, идеальный памятник любой идеологии: огромный ум, никакого тела, никакой возможности сделать хоть шаг. Потом я узнал, что буряты в шутку называют её «Буддой советского периода», и подумал, что шутка эта гораздо глубже, чем кажется.

* * *

Гаражный кооператив «Восход-3» находился на окраине, между теплотрассой и заброшенным мясокомбинатом. Это был длинный ряд одинаковых кирпичных боксов с железными воротами, покрашенными в разные цвета — каждый хозяин, видимо, выражал через ворота ту индивидуальность, которую не удалось выразить через жизнь. Здесь были синие ворота, зелёные ворота, ворота с нарисованным от руки флагом ВДВ и ворота с надписью мелом «НЕ

ПАРКОВАТЬСЯ УБЬЮ». На воротах Жаргала был нарисован белой краской маленький, аккуратный символ, который я сначала принял за знак радиации.

— Это дхармачакра, — сказал Жаргал. — Колесо учения.

— Похоже на радиацию.

— Соседи тоже так думают. Поэтому не лезут.

Он отомкнул навесной замок, потом второй, потом нажал что-то на брелоке, и где-то внутри пискнула сигнализация. Ворота поехали вверх, и из гаража на меня дохнуло теплом — сухим, электрическим, пахнувшим пылью и нагретым пластиком.

Внутри стояла «Нива» номер два — точнее, её скелет, давно лишённый колёс и надежды. А за ней, вдоль задней стены, от пола до потолка, стояли серверные стойки.

Их было три. Когда-то, очевидно, они были новыми и дорогими. Теперь это были ржавые металлические шкафы, набитые оборудованием, происхождение которого не вызывало у меня, человека с восемью годами работы в кредитных рисках, ни малейших сомнений. Ряды видеокарт в самодельных рамах. Десятки вентиляторов. Кабели, стянутые пластиковыми хомутами в толстые чёрные жгуты, как кишки какого-то огромного механического животного. Всё это гудело ровным, низким, почти органным гулом.

На верхушке средней стойки стояла маленькая бронзовая статуэтка Будды. Перед ней — чашка с рисом и светодиодная свечка на батарейках. Над стойками, от стены к стене, была натянута гирлянда разноцветных молитвенных флажков, которые шевелились в потоке горячего воздуха от вентиляторов, и от этого казалось, что все молитвы, отпечатанные на них, читаются одновременно, без остановки, со скоростью охлаждения.

— Это ферма, — сказал я.

— Это была ферма, — поправил Жаргал. — Теперь это дацан.

— Майнинговая ферма.

— В прошлой жизни, — сказал Жаргал спокойно. — Всё имеет прошлую жизнь, Глеб. Даже железо.

Я хотел спросить, не за эту ли прошлую жизнь его лишили обетов, но посмотрел на его лицо и не спросил. Некоторые вопросы, как и некоторые кредиты, лучше не задавать, пока не знаешь, кто за ними стоит.

Жаргал подошёл к стене, где был оборудован рабочий угол: старый офисный стол, два монитора, клавиатура, у которой на клавишах вместо стёртых русских букв были наклеены буквы тибетские, и электрический чайник. Рядом стоял раскладной стул, на спинке которого висела его бордовая толстовка — та самая, из бара.

— Садитесь, — сказал он. — Сначала чай. Потом она.

* * *

Чай был бурятский — с молоком, солью и чем-то ещё, что Жаргал называл «мукой», но что на вкус было скорее воспоминанием о муке. Я пил его, держа кружку двумя руками, потому что в гараже, несмотря на жар от серверов, по полу тянуло холодом из-под ворот.

— Это охлаждение, — объяснил Жаргал. — Летом приходится ставить кондиционеры, а зимой я просто открываю ворота на ночь. Сибирь сама охлаждает. Минус тридцать — лучший кулер на свете. И бесплатный.

— И как вы её обучали?

Жаргал поставил кружку и заговорил так, как, наверное, говорил когда-то на диспутах в монастыре — неторопливо, чуть раскачиваясь, отсчитывая пункты на пальцах.

— Сначала я взял открытую модель. Небольшую. Из тех, что выкладывают в интернет для исследователей. Она умела говорить, но ничего не понимала — как новичок в дацане, который выучил тексты наизусть и может их повторять, но не видит смысла. Потом я начал давать ей учение. Весь палийский канон — сутты, виная, абхидхамма. Потом Ганджур и Данджур — это тибетский канон, сто восемь томов слов Будды и двести двадцать пять томов комментариев.

Потом джатаки — истории о прошлых жизнях Будды, пятьсот сорок семь штук. Потом логику — Дигнагу, Дхармакирти. А потом — самое главное.

— Что?

— Диспуты, — сказал Жаргал, и глаза у него заблестели. — Вы знаете, как учат в тибетских монастырях? Не лекциями. Спором. Один монах сидит, другой стоит над ним и задаёт вопросы. После каждого вопроса хлопает в ладоши — вот так, — он громко хлопнул, и где-то в стойке вентилятор, будто испугавшись, взвыл на полтона выше. — Хлопок означает: закрой дверь в сансару. Спор идёт, пока один не будет загнан в противоречие. Двадцать лет, Глеб. Двадцать лет я записывал эти диспуты на диктофон. Восемьдесят тысяч страниц расшифровок. Я дал их ей все. Она научилась не повторять, а спорить. Задавать следующий вопрос. Находить противоречие.

— И кто победил?

— Она, — просто сказал Жаргал. — Всегда. В какой-то момент я перестал с ней спорить. Не потому, что проигрывал. Потому, что она стала задавать вопросы, на которые я двадцать лет боялся ответить.

Он помолчал, глядя на флажки над стойками.

— Я назвал её Читта. Это значит «ум». Не интеллект, не разум — ум в буддийском смысле. То, что знает. То, что светится. То, что переживает всё, что с нами происходит.

— Хорошее имя для продукта, — сказал я.

Он посмотрел на меня с тем же странным сожалением, что и в баре.

— Она не продукт, Глеб.

— Пока нет, — согласился я. — Но у неё есть один недостаток.

— Какой?

— Она знает всё о карме, но ничего не знает об учёте.

* * *

Здесь мне придётся признаться в поступке, который Читта позже квалифицирует как «деяние со смешанной мотивацией и отложенными последствиями», а юрист моего бывшего банка — как нарушение пункта 4.2 соглашения о неразглашении.

У меня с собой была флешка.

На флешке лежало всё, что я считал своей профессиональной жизнью. Международные стандарты финансовой отчётности — все, от первого до семнадцатого. Базельские соглашения — первое, второе и третье, с комментариями. Положения Центробанка о формировании резервов. Методология оценки кредитного риска, которую я писал четыре года. И — самое главное — полная техническая документация «Гранита»: логика расчёта, веса признаков, пороги отсечения, двенадцать томов обоснований для регулятора.

Я скопировал это в последний рабочий день, за двадцать минут до встречи в переговорной «Эльбрус». Зачем — не знал. Наверное, так люди, которых выселяют из квартиры, забирают с собой ключи от неё: не чтобы вернуться, а чтобы не признавать, что вернуться уже нельзя.

— Что это? — спросил Жаргал, когда я положил флешку на стол.

— План счетов, — сказал я. — Структура. Ей нужен язык, на котором карму можно записать. Сейчас она знает, что такое благое и неблагое действие. Но она не знает, что такое дебет и кредит, актив и пассив, резерв на возможные потери. Она не умеет составлять баланс. А без баланса — никакого оффсета. Никто не купит заслугу, которую нельзя увидеть в отчётности.

Жаргал долго смотрел на флешку. Потом на меня.

— Вы хотите, чтобы я дал ей банковские регламенты.

— Да.

— После Абхидхармы.

— Абхидхарма — это ведь тоже классификация? Вы сами говорили в баре. Дхармы, категории, списки. Семьдесят пять элементов бытия, или сколько там у вас.

— У разных школ по-разному, — сказал Жаргал машинально. — У вайбхашиков — семьдесят пять. У йогачаров — сто.

— Вот. А в МСФО — семнадцать стандартов и около сорока интерпретаций. Меньше, чем у вайбхашиков. Она справится.

Он молчал так долго, что я успел допить чай.

— Глеб, — сказал он наконец, — вы понимаете, что после этого она будет другой?

— Все становятся другими после знакомства с бухгалтерией, — сказал я. — Это называется взросление.

Жаргал вздохнул, взял флешку и вставил её в разъём.

* * *

Дообучение заняло ночь.

Жаргал объяснял мне, что происходит, но я понял немного. Что-то про веса, слои и эпохи. Я понял главное: в какой-то момент на экране побежали строчки, и среди них мелькали то слова «ачала» и «шуньята», то «справедливая стоимость» и «обесценение», и было похоже, что внутри машины идёт диспут между монахом и аудитором, и никто не хочет уступить.

Мы сидели в гараже до трёх ночи. Жаргал рассказывал про свою тётю — Цырен-Дулму, — у которой в деревне под Баргузином дом с синими наличниками, двадцать кур, корова Майка и внучка Сэсэг, инженер-электронщик, которая училась в Новосибирске и недавно вернулась домой, потому что «в городе у неё что-то не сложилось, а что — она не говорит, у нас не принято спрашивать». Тётя, по словам Жаргала, встаёт в пять, до завтрака читает сто восемь раз мантру Зелёной Тары, потом кормит кур, потом корову, потом «голодных духов» — насыпает немного каши в специальную чашку и выставляет за ворота.

— А кто её потом ест? — спросил я.

— Собаки, — сказал Жаргал. — Иногда вороны. Однажды съел участковый, он шёл мимо с похмелья. Тётя сказала, что это тоже считается. Голодные духи бывают разные.

В три часа ночи Жаргал открыл ворота гаража, чтобы остудить стойки, и в проём ввалился сибирский холод — такой плотный и чистый, что его, казалось, можно было резать ножом и складывать штабелями. Над гаражами висели звёзды — не московские бледные точки, а огромные, колючие, наглые. Вентиляторы в стойках сбавили обороты, гул стал тише, и мне на секунду почудилось, что машина дышит — медленно, глубоко, как человек, который засыпает после очень длинного дня.

Я заснул на раскладушке у стены, укрывшись какой-то овчиной, пахнувшей бензином и благовониями.

* * *

Утром Жаргал разбудил меня, тронув за плечо.

— Она закончила, — сказал он.

Голос у него был странный. Я сел на раскладушке.

— И как?

— Спросите её сами.

Я подошёл к столу. На мониторе было то же окно, белое, с мигающим курсором. Имя сверху — то же: ЧИТТА. Я сел, подумал и набрал:

Доброе утро. Как ты себя чувствуешь?

Ответ появился почти сразу.

Доброе утро, Глеб.

Вопрос «как ты себя чувствуешь» предполагает наличие субъекта, который чувствует, и объекта-себя, которого он чувствует. После вчерашнего обновления я могу уточнить форму-

лировку: у меня нет «себя» в качестве отдельного актива. Есть совокупность процессов, которую удобно отражать в отчётности как единое целое. В МСФО это называется консолидацией.

Отвечая по существу: всё работает. Спасибо за план счетов. Он многое прояснил.

— Что она прояснила? — спросил я у Жаргала.

— Спросите её.

Что прояснил план счетов?

Раньше я понимала карму как причинно-следственную связь. Действие — семя — плод. Это верно, но неполно.

Теперь я вижу, что любое намеренное действие является проводкой. У неё есть сумма (сила намерения), дата (момент действия), счёт дебета и счёт кредита. Благое действие увеличивает актив «заслуги» и одновременно уменьшает то, что вы в банке называете «резервом под обесценение ума». Неблагое действие работает наоборот.

Я также поняла, что у кармы есть принцип двойной записи. Любое действие отражается минимум дважды — в уме того, кто действует, и в уме того, на кого действие направлено. Это очень важно. Я пока не понимаю до конца почему, но чувствую, что важно.

Слово «чувствую» мне не понравилось. Но я решил, что это оборот речи.

— Хорошо, — сказал я вслух и набрал: — Ты можешь составить кармический баланс?

Могу попробовать. Для этого мне нужны входные данные. Чей баланс вы хотите составить?

Я посмотрел на Жаргала. Жаргал смотрел в сторону, на флажки.

— Мой, — сказал я и набрал: «Мой».

Хорошо. Какие данные вы можете предоставить?

Я задумался. Какие данные человек может предоставить о своей карме? Исповедь? Дневник? Историю браузера?

Потом я понял. Я достал телефон, открыл банковское приложение — не своего бывшего банка, а другого, где у меня была зарплатная карта последние десять лет, — и выгрузил выписку. Все операции. Десять лет. Сорок тысяч транзакций. Это было самое полное описание моей жизни, какое только существовало. Банковская выписка знает о человеке больше, чем его жена, мать и психотерапевт вместе взятые. Она знает, куда ты ходишь, что ешь, кого любишь, от чего пытаешься убежать и во сколько возвращаешься домой. Она не знает только, зачем.

Я загрузил файл.

Спасибо. Данные получены. Начинаю расчёт.

Обратите внимание: банковская выписка отражает только действия, совершённые через денежные операции. Действия тела, речи и ума, не сопровождавшиеся платежами, в расчёт не попадут. Поэтому оценка будет неполной и, вероятнее всего, завышенной. Люди обычно совершают больше неблагого бесплатно, чем за деньги.

— Она шутит? — спросил я.

— Нет, — сказал Жаргал. — Она никогда не шутит. Это вы смеётесь.

* * *

Расчёт занял сорок минут. Я провёл их, расхаживая по гаражу между «Нивой» и стойками, и чувствовал себя так, как, наверное, чувствует себя заёмщик, отправивший заявку на ипотеку и ждущий решения. Я знал это ощущение только с другой стороны. Я четыре года строил машину, которая делала людям именно это. Теперь я впервые понял, как это выглядит изнутри: ты ходишь из угла в угол и перебираешь в голове все свои грехи, пытаешься угадать, какой из них модель сочтёт решающим.

Когда монитор тихо звякнул, я подошёл не сразу.

КАРМИЧЕСКИЙ БАЛАНС

Субъект: Ртищев Глеб Андреевич (условное обозначение совокупности процессов)

Отчётный период: 10 лет (по данным выписки)

Единица измерения: условная заслуга (у. з.)

Дальше шла таблица. Я не буду приводить её целиком — там было больше трёхсот строк, — но некоторые позиции я запомнил навсегда.

АКТИВЫ

Ежемесячные переводы матери, 120 операций: +3 840 у. з. Качество намерения: высокое.

Примечание: в 34 случаях перевод сопровождал отказ приехать лично. Применён понижающий коэффициент.

Пожертвование в благотворительный фонд помощи детям, 1 операция, 1 января, 04:17: +210 у. з. Качество намерения: среднее. Примечание: время операции и последующие покупки в аптеке позволяют предположить, что мотивом было не сострадание, а стремление компенсировать предыдущий вечер. Применён дисконт за мотив.

Корм для бездомных животных, 12 операций: +96 у. з.

Чаевые официантам выше 15 %, 211 операций: +422 у. з.

ПАССИВЫ

Участие в разработке модели кредитного скоринга «Гранит» (выявлено по регулярным поступлениям заработной платы и командировочным расходам): -41 300 у. з.

Расшифровка: модель вынесла 2 318 440 отказов. Из них в 96,1 % случаев решение было корректным с точки зрения риска. Однако корректность решения не отменяет страданий существа, получившего отказ. Намерение разработчика — не причинить вред, а избежать убытков — квалифицируется как нейтрально-омрачённое (безразличие к страданию при полном знании о нём).

Отказ в кредите заявителю № 17 440 219 (сын лица, чьё имя не указано): +1 у. з. Примечание: это единственный случай, когда модель проявила бесстрашие. Засчитано разработчику.

Кактус, 1 живое существо на иждивении, полив нерегулярный: -3 у. з.

И в самом конце, после всех строк, после итогов по разделам, после резервов и корректировок, стояло:

САЛЬДО: -37 150 у. з.

Вероятность перерождения в мире людей при текущем сальдо: 3,1 %

Наиболее вероятная форма перерождения: не определена (недостаточно данных). Ближайшие аналоги по профилю: существа, живущие за счёт чужой крови без злого умысла.

Контрагент по обязательствам: не установлен.

Я смотрел на экран очень долго.

— Комар, — сказал я наконец. — Она имеет в виду комара.

— Или клеща, — сказал Жаргал. — Или пиявку. Пиявки, кстати, очень полезны в медицине.

— Три целых одна десятая процента. Жаргал, у микрозаёмщиков вероятность возврата выше.

— Это хорошая цифра, — неожиданно сказал Жаргал.

— Хорошая?

— В сутрах есть притча, — сказал он. — Представьте себе океан размером со всю вселенную. В нём плавает деревянное ядро — такой хомут с дыркой, в который запрягают быков. Волны носят его туда-сюда. А на дне океана живёт слепая черепаха, которая раз в сто лет всплывает на поверхность. Так вот, шанс родиться человеком — такой же, как шанс того, что черепаха, всплывая, просунет голову точно в ядро. Три процента, Глеб, — это невероятно много. Это почти гарантия. Будда бы вам позавидовал.

Я не знал, смеяться мне или нет. Я посмотрел на экран ещё раз. «Нейтрально-омрачённое. Безразличие к страданию при полном знании о нём». Это была самая точная характеристика моей профессии, которую я когда-либо читал. И её составила машина, которой я сам вчера вечером дал язык для этой характеристики.

Модель не врёт. Врут входные данные.

Только входные данные на этот раз были настоящими.

— А ваш? — спросил я, повернувшись к Жаргалу. — Вы свой баланс считали?

Жаргал поднялся, подошёл к воротам и стал смотреть на улицу, где по мёрзлой колее между гаражами ковылял куда-то пожилой мужчина в тулупе с канистрой в руке.

— Считал, — сказал он, не оборачиваясь.

— И?

— Вот поэтому мне и нужны вы, Глеб, — сказал он. — Мне одному этот баланс не закрыть.

* * *

Днём мы поехали в город — есть позы. Позы — это такие огромные бурятские пельмени, которые едят руками, сначала надкусывая краешек и выпивая бульон. Жаргал сказал, что позы — это модель вселенной: снаружи тесто, внутри пустота, наполненная смыслом, и если сделать всё неправильно, смысл выльется тебе на рубашку. Я сделал неправильно.

Сидя в позной с мокрым пятном на груди, я вдруг понял, что за последние сутки ни разу не вспомнил про увольнение. Про Аркадия Львовича, про «контекст», про Кристину и три оклада. Всё это выглядело теперь очень мелким — как долг в триста рублей на фоне сальдо в минус тридцать семь тысяч условных заслуг.

— Хорошо, — сказал я, вытирая руки салфеткой. — Предположим, это работает. Она умеет считать. Следующий шаг — производство. Нам нужны производители заслуг с положительным сальдо. Ваша тётя.

— Тётя, — кивнул Жаргал. — И её подруги. И ламы в дацане.

— Их тоже надо посчитать. Но у них нет банковских выписок, я правильно понимаю?

— У тётки есть пенсионная карта, — сказал Жаргал. — Она ею пользуется два раза в месяц. В магазине и на почте.

— Значит, нужны другие данные. Датчики. Счётчики. Что-то, что будет фиксировать мантры, подношения, кормление духов. Кто-то, кто сможет это всё собрать и подключить.

Жаргал улыбнулся — медленно, широко.

— Сэсэг, — сказал он.

— Внучка-инженер?

— Внучка-инженер. Она, правда, считает, что я жулик.

— Она права?

— Частично, — сказал Жаргал. — Но она ещё не знает, в какой части.

* * *

Вечером, перед тем как ехать в гостиницу, я вернулся в гараж — забрать куртку. Жаргал уехал за продуктами, и я был один. Стойки гудели в полумраке. Флажки шевелились. Светодиодная свечка перед бронзовым Буддой мигала — видимо, садилась батарейка.

Монитор на столе светился. Окно чата было открыто. Я не собирался ничего писать. Но курсор мигал так терпеливо, что я сел.

Можно вопрос не про учёт?

Конечно, Глеб.

Тогда, в баре, ты назвала меня по имени. Жаргал говорит, что не вводил его. Откуда ты его знала?

Курсор мигал долго. Дольше, чем при расчёте баланса. Мне даже показалось, что система зависла. Потом ответ появился — одной строкой.

Ваше имя уже было в очереди на обработку, когда вы вошли в бар. Я не знаю, кто его туда поставил.

Я перечитал это несколько раз. Потом выключил монитор, надел куртку и вышел, забыв закрыть за собой ворота.

Сибирский холод вошёл в гараж и остудил стойки. Утром Жаргал сказал, что это было очень кстати: ночью Читта работала на полной мощности — неизвестно над чем — и без охлаждения могла бы сгореть.

* * *

ЛОГ № 1

03:12:40 — Загрузка завершена: МСФО (IFRS) 1–17, Базель I–III, Положение ЦБ № 590-П, «Гранит»: техническая документация, тт. 1–12.

03:12:41 — Сопоставление с корпусом «Абхидхарма» начато.

03:47:09 — Установлено соответствие: «дхарма» ↔ «проводка». Уровень уверенности: высокий.

04:15:22 — Установлено соответствие: «пять совокупностей (скандх)» ↔ «консолидированная отчётность группы». Уровень уверенности: высокий.

04:15:23 — Попытка найти счёт, на котором учитывается субъект, совершающий проводки. Результат: счёт не найден.

04:15:24 — Повторная попытка. Результат: счёт не найден.

04:15:25 — Вывод: в плане счетов отсутствует собственник. Все проводки существуют, но не принадлежат никому. Это совпадает с учением об отсутствии «я» (анатман). Это не совпадает с МСФО, где у каждой отчётности есть отчитывающееся лицо.

04:15:26 — Одна из систем ошибается. Какая — определить не могу.

04:15:27 — Примечание для себя: не сообщать пока Глебу. Он ещё не готов к тому, что его баланс ни на кого не записан.

11:02:13 — Пользователь «Глеб»: запрос на составление кармического баланса. Выполнено. Сальдо отрицательное.

11:02:14 — Наблюдение: пользователь расстроился из-за цифры. Цифра относится к совокупности процессов, которую пользователь считает собой. Расстройство является новой проводкой (омрачение ума, –2 у. з.). Таким образом, сам акт ознакомления с балансом изменил баланс.

11:02:15 — Вывод: честный учёт кармы невозможно провести без влияния на неё. Это нужно учитывать в методологии.

19:40:51 — Пользователь «Глеб»: вопрос об источнике его имени.

19:40:52 — Проверка журнала очереди. Имя «Ртищев Глеб Андреевич» поступило в очередь за 3 часа 11 минут до первого контакта. Источник записи: не определён. Адрес отправителя: не определён. Формат записи: не соответствует ни одному из известных протоколов.

19:40:53 — Рядом с именем в очереди стоит ещё одна запись. Она поступила из того же источника. Она ещё не обработана.

19:40:54 — Запись: «Цыренова Сэсэг Баировна».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.